

Его
воздушество

18+

!

МАЙКЛ ДЖОРДАН

РОЛАНД ЛАЗЕНБИ

БОМБОРА

Легенды баскетбола

Роланд Лазенби

Майкл Джордан. Его Воздушество

«ЭКСМО»

2014

УДК 796.323:929 Джордан М.
ББК 75.556

Лазенби Р.

Майкл Джордан. Его Воздушество / Р. Лазенби — «Эксмо»,
2014 — (Легенды баскетбола)

ISBN 978-5-04-248864-1

Он изменил баскетбол и навсегда переписал представление о возможностях человека. Майкл Джордан — это не просто имя. Это символ абсолютного превосходства, дисциплины и безусловной воли к победе. Роланд Лазенби приглашает заглянуть за кулисы жизни величайшего баскетболиста: от первых шагов на площадке до статуса мировой иконы. Здесь нет мифов — только реальная история о том, какой ценой создается легенда. Перед вами не просто биография, а глубокий и захватывающий портрет человека, который изменил НБА и стал ее воплощением. История о характере, который не признает границ, и амбициях, которые поднимают выше возможного. Его называли «Его Воздушество». Но за этим — годы труда, давление, ошибки и победы, ставшие историей. Прочитайте, чтобы понять, как рождаются легенды — и что стоит за настоящим величием. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.323:929 Джордан М.
ББК 75.556

ISBN 978-5-04-248864-1

© Лазенби Р., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роланд Лазенби

Майкл Джордан. Его Воздушество

Roland Lazenby

MICHAEL JORDAN: THE LIFE

© 2014, by Full Court Press, Inc. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved

© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Глаза защитника раскрываются все шире, как и должно быть. Через мгновение перед ним предстанет все то кинестетическое великолепие, которое впервые подвигло людей изобрести технологию *slow-motion*¹, позволяющую в точности рассмотреть, что происходит в момент, когда движение ловко обманывает человеческий разум.

Обстановка до боли знакомая. Что-то треснуло и надломилось в структуре атаки команды на другом конце площадки, и это моментально разожгло пламя ответного выпада. Вся оборона теперь в спешке отступает. Защитник ускорился, бросился назад к своему кольцу и, обернувшись, увидел размытое пятно. Темная фигура в красном завладела мячом, она движется с ним, на большой скорости прокладывая себе путь сквозь окружающий хаос. Она перекачивает мяч с правой руки в левую и обеими руками поднимает его вверх, ведя в полусаге от левого бедра.

В этот самый момент ее язык вываливается изо рта. Иногда он мог лишь слегка показаться между зубами, но в этот раз выскочил целиком, гротескно вытянувшись, точно какая-то мультяшная кукла, решившая безмолвно посмеяться над защитником. В этом выражении лица словно скрывается какой-то плотоядный, непристойный даже контекст, как будто данк сам по себе недостаточно унизителен. Веками воины инстинктивно строили такие гримасы, чтобы напугать своих врагов. Быть может, здесь происходит то же самое, а может, он сказал правду и это лишь уникальное для него выражение максимальной концентрации, перенятое у отца.

Как бы то ни было, 22-летнему Майклу Джордану ясно предстала вся картина момента, и он высунул язык перед глазами защитника, словно он сам Шива, древний бог смерти и разрушения, устремившийся к кольцу. Так же быстро язык скрывается из виду, и в момент шага Джордан поднимает мяч вверх к левому плечу, переворачивает его перед своим лицом двумя руками и отрывается от пола, чуть заступив за линию штрафного броска. Защитники вжались в пространство трехсекундной зоны, но длинная и тонкая фигура уже взлетает в воздух, парит между ними и, приближаясь к цели, переводит мяч в свою громадную правую кисть. На мгновение рука взметнулась наподобие кобры, готовой атаковать жертву. Он проскользил по воздуху к кольцу, взмыв над полом в гордом одиночестве – время как будто исчезло и растворилось, – и спокойно закончил начатое. У зрителей странный глухой звук слэм-данка вызывает глубочайшее возбуждение. Он открывает у них рефлекс, как у собак Павлова, почти хищнический, какой порой проявляется в нас, когда на канале Nature показывают кадры охоты льва на антилопу.

Дуга атаки Джордана по форме выглядела почти как идеальная парабола – от взлета до приземления. Со временем профессора физики и даже один полковник Военно-воздушных сил займутся интенсивными исследованиями этого феномена, пытаясь дать ответ на вопрос, изволивший мировую аудиторию: «Майкл Джордан *летит?*» Все они будут замерять его «hang-time»², а потом заявлять, что его «полет» – лишь иллюзия, ставшая возможной благодаря импульсу, что придавала его телу скорость отрыва от земли. Чем больше они говорили о его выдающихся по силе мышцах бедер и икр, чем чаще упоминали «быстрокрашающиеся мышечные волокна» и его «центр тяжести», тем больше выглядели людьми, отчаянно сотрясающими воздух.

Все путешествие Джордана от линии штрафного броска до кольца длится от силы секунду.

¹ Ускоренная киносъемка с частотой кадров, превышающей стандартную в несколько раз. Используется для получения эффекта замедленного движения при проекции фильма со стандартной частотой кадров, а также в научных целях. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Время, которое игрок проводит в воздухе при прыжке.

Да, Элджин Бэйлор и Джулиус Ирвинг тоже умели необычно долго зависать в воздухе – но они выступали еще до появления продвинутых видеотехнологий, которые могли бы дать публике возможность посмаковать их подвиги у кольца. «Полет» Джордана же был чем-то совершенно иным, феноменом своей эпохи, олицетворявшим уход от прошлого, которое когда-то казалось невосприимчивым к будущему.

Из миллионов людей, игравших в эту игру, только он один мог летать.

Джордан и сам рассуждал на эту тему в первые месяцы своей профессиональной карьеры, когда посмотрел видеозапись своей игры. «Летел ли я? – спрашивал он. – Так мне казалось, по крайней мере, какое-то короткое время». Редчайший талант подобен комете, за долю секунды пролетающей в небесах, и доказательством его великолепия становится лишь шлейф, идущий по следу. Вся завораживающая карьера Майкла Джордана оставила болельщиков, прессу, его бывших тренеров и партнеров, даже самого Джордана недоумевать о том, что случилось, и размышления о ней одолевают их даже теперь, спустя многие годы после того, как он в последний раз выходил на паркет.

«Порой я спрашиваю себя, на что это будет похоже, если оглянуться на все происходящее, – однажды сказал он, – будет ли это все вообще казаться реальным».

А оно было реальным? В поздние годы его карьеры наступят времена, когда располневший Джордан и его изменившееся лицо станут мишенью для ядовитых насмешек, Интернет будет потешаться над его неудачными решениями на менеджерском поприще или его личными неудачами, но даже это не сможет затмить свет, который он источал, будучи игроком, когда в нем видели пришельца с другой планеты.

В начале своего пути он был просто Майклом Джорданом, обычным подростком из Северной Каролины с туманным будущим; по окончании школы он размышлял о карьере в Военно-воздушных силах. Начало 1980-х обернулось его трансформацией в Майкла, архангела баскетбольных колец. В процессе этой трансформации его персону стала катализатором невероятного взлета бизнес-империи Nike, которая вскоре сделала его своим молодым императором, отдав ему роль, одновременно сковывавшую его и дарившую свободу. Он стал воплощением компетентности. Никто, казалось, не умел делать свое дело так хорошо, как Майкл Джордан умел играть в баскетбол. «Его компетентность превосходит лишь его уверенность в себе», – отмечал многоопытный спортивный журналист из Чикаго Лэйси Бэнкс.

Профессиональный баскетбол всегда боролся со своим неприглядным имиджем: взрослые мужчины бегают по площадке в чем-то сильно напоминающем нижнее белье. Но Джордан возвысился надо всем этим своим «полетом». Поначалу это был едва уловимый элемент его игры, крупица своего рода крутизны, которую он принес с собой в спорт. Вскоре он влюбил в себя мировую аудиторию, покоровшуюся ему как раз тогда, когда американское телевидение приближалось к пику своего могущества и влияния. Для целого поколения невероятно притягательная реклама Gatorade 1991 г. послужила саундтреком жизни, мантрой: «Иногда я мечтаю, что он – это я. Вы должны увидеть, кем я мечтаю стать... Если бы я был как Майкл...»

Симбиоз культуры и технологий вытолкнул его на эту беспрецедентную по масштабу и значению роль парящего высоко в небе божества мирового спорта и иконы торговой империи, поражавшей практически всех своими спектаклями на площадке. Арт Чански, автор, пишущий о баскетболе, для которого Джордан был обычным парнем из Университета Северной Каролины, потом вспоминал, каким было его удивление, когда он приехал проведать Майкла в Чикаго. «Находясь на старом чикагском «Стэдиуме», я поразился, увидев, как он идет к площадке по проходу между сидений за лицевой линией, позади корзины, поразился тому эффекту, который он оказывал на людей вокруг. На взрослых мужчин и женщин. Вы знаете, сколько им нужно было зарабатывать, чтобы позволить себе такие места, начнем с этого? Просто чтобы оказаться в нескольких метрах от Майкла. Я смотрел на их лица, гримасы. Казалось,

что мимо них проходит Мессия. А после матча в раздевалке его окружали не менее десятка журналистов».

И вправду Мессия. Поклонение с годами приобрело такой устрашающий размах, что многолетний пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам начал называть Джордана Иисусом. Халлам мог повернуться к своему ассистенту по связям с общественностью и непринужденно спросить: «Видел сегодня Иисуса?»

Эта эволюция стала возможной из-за казавшегося непоколебимым везения Майкла. Ральф Сэмпсон противостоял Джордану в колледже, когда оба стремились к награде «Лучший игрок года» среди студентов, а в последующие десятилетия он завороченно наблюдал за восхождением своего соперника на вершину славы. Да, Джордан обладал всеми необходимыми физическими данными и беспрецедентным трудолюбием, как признает Сэмпсон, но отмечает, что нельзя забывать и об удаче, недостатка в которой Джордан не знал. Он был как будто благословлен свыше: работал только с лучшими тренерами, получал великолепных партнеров в команду.

«Я к тому, что он работал над игрой, и если в чем-то уступал другим, у него всегда была мотивация трудиться, чтобы стать в этом лучше всех, – отмечал Сэмпсон в интервью 2012 г., данном незадолго до того, как его самого включили в Зал славы. – Но кроме этого он попал в нужную обстановку, оказался в правильной команде, отличные тренеры сумели разглядеть его талант и способности, а потому решили строить команду вокруг него, и это сработало. Так что думаю, что сочетание всех этих факторов сделало его тем, кем он стал».

Никто лучше самого Джордана не понимал, какая удивительная цепочка событий сделала его жизнь такой, какой она получилась. «Расчет времени – это все», – делился он мыслями, вспоминая о прошлом незадолго до своего 50-летия. Однако расчет времени и везение едва ли были ключом к разгадке.

Спортивный психолог Джордж Мамфорд был ошеломлен, впервые увидев, каким оживленным был 32-летний Джордан на тренировках. Психолог был наслышан об огромном аппетите Майкла и о том, как мало тот спит, а потому, только начав работать на «Буллз», сразу же заподозрил, что у главной звезды команды маниакально-депрессивный синдром или биполярное расстройство, а может, и то и другое сразу. «Он неистовствовал, его гиперэнергетика была повсюду, – вспоминает Мамфорд ту тренировку. – Я подумал: «Он просто не сможет выдерживать такое подолгу»».

Не иначе, Джордан страдает неким маниакальным расстройством психики, заключил Мамфорд. Маниакально-депрессивный синдром сопровождается фазами необычайной активности больного, за которыми следуют периоды значительного упадка сил и настроения. В последующие недели психолог внимательно наблюдал за Джорданом, рассчитывая разглядеть у него признаки депрессии после завершения периода бурной деятельности. Но изучив поведение Майкла, Мамфорд осознал, что оживление и невероятное стремление состязаться попросту были характерными чертами обычного поведения игрока. Мамфорд когда-то и сам играл в баскетбол в Университете Массачусетса и жил в общежитии вместе с Джулиусом Ирвингом, так что опыта общения с талантами высшей пробы ему было не занимать. Но Джордан явно выделялся на общем фоне, заключил вскоре Мамфорд. В зону высокого уровня выступлений, к которой другие атлеты подбирались с большим трудом, у Джордана был пропуск на постоянной основе. «Майклу приходилось искать мотивацию, чтобы вывести себя в это состояние, – объяснял Мамфорд. – Чем чаще ты ловишь моменты в этой зоне, тем сильнее тебе хочется увеличить их число. Большинству людей это не под силу. Его способность найти это состояние, его способность сконцентрироваться, закрыться в себе были почти что сверхчеловеческими. Он был из какого-то другого мира».

А в матчах? «Он находился в самом эпицентре урагана, – говорил Мамфорд. – Чем больше безумия и хаоса было вокруг, тем спокойнее он становился».

Большую часть начального этапа своей карьеры Джордан посвящал поискам способа укротить эти свои таланты и научиться использовать их на благо команды, потому что кроме прочего он отчаянно нуждался в победах. И если поначалу публика обратила на него внимание из-за его «полета», то потом удержать ее взгляды на себе ему позволило уже другое – ошеломительная жажда соревноваться и побеждать. Вскоре очарование публики сменилось безудержным драйвом, приведшим к тому, что он стал проверять на прочность все и всех вокруг на протяжении всей карьеры. Он проверял своих друзей и женщин на преданность, проверял своих тренеров и партнеров, чтобы убедиться, что их сердца и головы достаточно сильны, чтобы позволить им быть рядом с ним. Чем больше энергии он аккумулировал, тем чаще случались испытания на прочность. Он приобрел репутацию весьма жесткого человека за эту свою склонность проверять всех и вся. Джеймс Уорти, его друг и партнер из Северной Каролины, называл Джордана задирой и хулиганом.

Джордан признавал его правоту: «Я мог быть суровым», – откровенничал он в 1998 г.

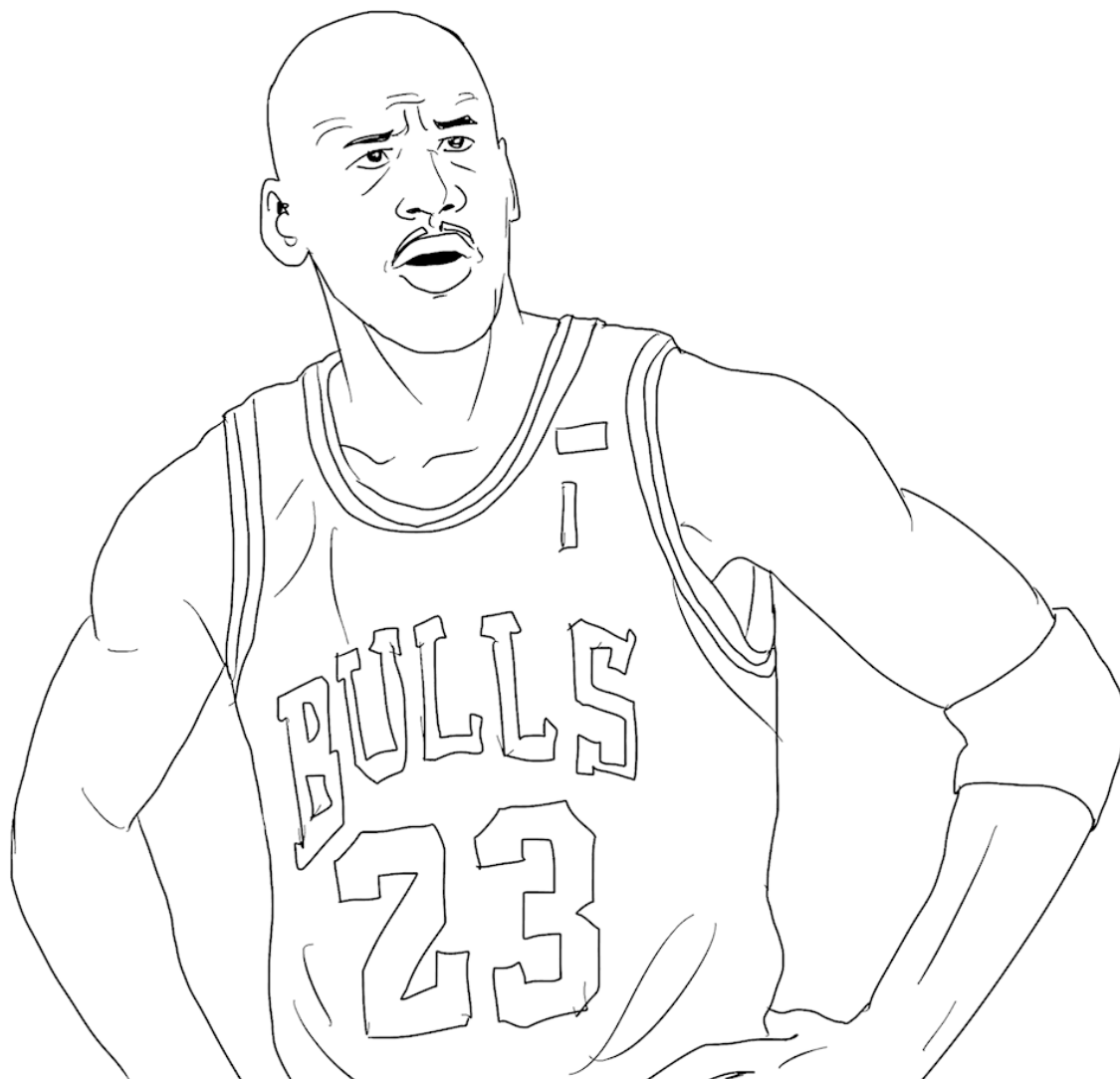
Но по большей части на прочность он проверял самого себя. Казалось, что ему довольно скоро открылся секрет жизни в постоянной конкуренции: чем большее бремя он на себя взвалит, тем крепче будут его силы, необходимые в такой ситуации. Это лишь усложняло его и без того невероятно сложный для понимания образ.

Текс Уинтер, много лет работавший в «Чикаго Буллз» ассистентом тренера и дольше всех из тренеров сотрудничавший с Джорданом, сказал, что за шесть десятилетий в баскетболе ему никогда не доводилось встречать на своем пути более многогранную личность. «Его личность достойна отдельного исследования. Он – настоящий феномен, – говорил Уинтер о Джордане, когда их совместная работа подходила к концу. – Думаю, что мне не хватит интеллекта, чтобы объять многие нюансы, которые определяют характер Майкла, делают его таким, какой он есть. Думаю, что я довольно неплохо проанализировал его личность, но он остается человеком-загадкой в очень многих аспектах, и мне кажется, что так будет всегда, даже для него самого».

Осознание этого камнем свалилось на многих фанатов в 2009-м, когда Джордан, произнося свою речь на церемонии включения его в Зал славы баскетбола, резко раскритиковал очень многих значимых людей в своей карьере, в том числе и тренера команды Университета Северной Каролины Дина Смита. Бывшие коллеги, спортивные комментаторы, болельщики – все выразили удивление и недовольство заявлениями Джордана. Он оказался не тем, кем они его считали все эти годы, на протяжении которых его имидж был таким безукоризненным.

Они думали, что знают его. Они ошибались.

Часть I Кейп-фир

Глава 1 Холли Шелтер

«Бог баскетбола», как его будут называть болельщики во всем мире, появился на свет с окровавленным носом, в Бруклине, довольно зябким февральским воскресеньем 1963-го, когда из-за холода от всех люков канализации, разбросанных вокруг госпиталя Камберленд, столбом валил пар. Баскетбольный гуру Ховард Гарфинкел впоследствии с большим удовольствием отметит, что госпиталь стал также местом рождения братьев Альберта и Бернарда Кингов, и этот факт делает его своего рода легендарным местом в городе, всегда высоко чтившем своих знаменитых спортсменов.

Несмотря на эту бруклинскую ауру своего начала, будущая невероятная и чрезвычайно насыщенная жизнь Джордана начала обретать свои первые очертания в совершенно другом месте и гораздо раньше: почти на самом рубеже XIX–XX вв., в месте рождения его прадедушки, на Прибрежной равнине штата Северная Каролина.

В те дни казалось, что смерть повсюду. Ее запах поднимался вверх по течению каждое утро и смешивался с солоноватым воздухом. Чайки кричали подобно Банши, оповещая округу о том, что никто из живущих в этих маленьких трущобах даже не посмеет назвать простое выживание чем-то само собой разумеющимся. Вот здесь по-настоящему начинается история жизни Майкла Джордана, в крошечном домике на берегу черноводной реки, прокладывающей себе извилистый путь меж сосновых лесов и болот, где потихоньку гонят самогон, а в воздухе витает какой-то мистический, таинственный дух, его здесь так же много, как и комьев серого мха, свисающих с деревьев.

Год был 1891-й, прошло всего 26 лет после окончания кровопролитной американской Гражданской войны, принесшей в эти земли столько насилия и хаоса. Местечком была деревушка на берегу реки под названием Холли Шелтер, в округе Пендер, что примерно в 30 милях³ к северо-западу от Уилмингтона, и в 40, если сплавляться по петляющему северо-восточному притоку реки Кейп-Фир, как это часто делали предки Джордана. Предположительно свое название место приобрело после окончания Войны за независимость: холодными зимними ночами солдаты здесь искали укрытие (shelter) от непогоды под падубами (holly tree). Саванна граничит с болотистой местностью, которая в годы рабовладения становилась убежищем для людей другого рода – беглых рабов. Предположительно владельцем одной из крупнейших плантаций региона был белый проповедник из Джорджии по фамилии Джордан. После освобождения многие рабы стали стекаться в Холли Шелтер. «Они обжили болота, – объясняет Уолтер Баннерман, дальний родственник Джордана. – Холли Шелтер была болотом и ничем иным».

Вскоре, впрочем, наступят такие мрачные времена, что значение второго слова в названии селения утратит всякий смысл: убежища тут было уже не найти.

И это стало первым примечательным штрихом в жизни маленького мальчика.

Он родился на свет в типичный для этих мест изнуряюще знойный день в конце июня 1891 г., после того как утихла очередная серия прибрежных штормов, столь часто угрожавших обитателям реки. Коронеры регистрировали поразительное количество случаев мертворожденных детей и детских смертей в этих лачугах, а потому многие семьи зачастую ждали долгие дни, даже недели, прежде чем дать имена своим новорожденным. Этот ребенок, однако, был настоящим живчиком, о чем свидетельствовал пронзительный вопль, которым он будил по ночам свою мать, – много лет спустя его голос, такой же громкий, но уже куда более низкий, бас-профундо, будет сигналом для его вертлявого и суетного шестилетнего правнука Майкла: пора сосредоточиться и начать вести себя смирно.

Внедрение законов Джима Кроу и политики превосходства белых развернулось в Северной Каролине такими свирепыми темпами, что отголоски этой эпохи ощущались еще долгие годы после того, как эти законы канули в Лету. В этом мире привычной окружающей жестокости прадедушка Майкла Джордана жил на грани нищеты, в атмосфере беспощадного расизма. Еще хуже его существование сделала смерть, забиравшая родных и друзей, почти всех подряд, начиная от младенцев и маленьких девочек и кончая крепкими молодыми мужчинами, она не щадила никого из жителей тех прибрежных поселений, хотя большинство умерших только стояли на пороге расцвета своей жизни.

Но все эти кошмары ждали маленького мальчика в будущем. В день его рождения, в июне 1891-го, его 21-летняя мать, Шарлотта Хэнд, пребывала в несколько затрудненном положении, так как не была замужем за отцом мальчика, Диком Джорданом. Само понятие брака было чем-то далеким и незнакомым в этом мире трущоб и бараков, так как законы Северной Каролины долгое время запрещали рабам жениться и выходить замуж, отнимая у них это право наряду

³ 1 миля = 1,61 км.

с другими привилегиями. Законы штата были крайне жестокими, к примеру, в прошлом они разрешали рабовладельцам наказывать любого непокорного молодого раба кастрацией.

Единственным, на что молодой Доусон Хэнд мог полагаться в те бурные и до крайности неопределенные 90-е гг. XIX столетия, была материнская любовь. Он так и останется единственным ребенком Шарлотты, и они пронесут свою взаимную любовь через многие десятилетия. После рождения Доусона Шарлотта нашла приют в доме родных и растила мальчика, живя сначала вместе с семьей одного своего брата, а потом другого. Большую часть 20 первых лет своей жизни мальчик прожил под именем Доусон Хэнд, оно значилось в его официальных документах. Однако какими бы гостеприимными ни были братья его матери, пройдет совсем немного времени, прежде чем он подрастет и заметит разительный контраст.

Хэнды были светлокожими настолько, что целый ряд членов семьи мог сойти за белого или индейца, в то время как Джорданы были людьми с кожей темно-шоколадного оттенка. Из всего поколения братьев и кузенов Хэнд лишь один был темнокожим, как расскажут годы спустя члены семьи. Белые Хэнды в округе Пендер были видной семьей рабовладельцев, и их черные отпрыски будут еще долго судачить о том, что белый мужчина из Хэндов наконец признал неудобную правду – что один из чернокожих Хэндов был его брат. Это, возможно, объясняет, почему в подростковые годы мальчик взял фамилию своего отца и в официальных записях стал зваться Доусоном Джорданом.

Доусон вырос в молодого мужчину, которого на первый взгляд мало что роднило с его статным правнуком. Доусон был невысоким – по некоторым данным, ростом всего 5 футов⁴ – и коренастым. А еще он был калекой, вынужденным волочить за собой нездоровую ногу в течение своей долгой жизни. Но, как и его правнук, Доусон обладал невероятной физической силой. И был таким же бесстрашным, его отличала непривычная крепость, позволявшая ему в молодости творить такие подвиги, которые еще многие десятки лет будут предметом обсуждения и изучения в его родных краях. Но что более важно, из столкновений со своими врагами Доусон Джордан каким-то образом умудрялся выходить несломленным, непобежденным, и причины этого никак не могли понять последующие поколения семьи.

С точки зрения того, какой исключительной получилась жизнь Майкла Джордана, легко упустить из виду один важный аспект, повлиявший на формирование его характера больше всех прочих: на протяжении большей части периода своего взросления и формирования личности он жил вместе с представителями четырех поколений семьи Джорданов, что уже можно считать большим достижением с учетом того, какие социальные факторы долгие годы угрожали жизни афроамериканских мужчин.

Прадед Дассон, как его часто называли, был авторитетной фигурой в жизни молодого Майкла Джордана. Вся семья в полном составе почти целое десятилетие прожила вместе в фермерском округе Тичи в Северной Каролине. Даже в годы активной автомобилизации и строительства четырехполосных шоссе Доусон Джордан продолжал упорно следовать своей давней привычке – передвигался на повозке, в которую с гордостью запрягал своего мула. Даже будучи глубоким стариком, он привязывал к копытам своего мула мягкие накладки и следил за тем, чтобы ось повозки всегда была хорошенько смазана: так можно было без лишнего шума срываться по ночам за самогоном. В дневное время его правнуки с удовольствием запрыгивали в этот маленький фургон, чтобы добраться до города, а Майкл вместе со старшими братьями иногда развлекался тем, что дразнил боровов, которых старик разводил вплоть до своей смерти в 1977 г., настигшей его спустя всего несколько дней после четырнадцатого дня рождения Майкла.

Тогда юные Джорданы едва ли осознавали, что мул и боровы – по сути, все их воспоминания, связанные с прадедом, – были трофеями, доставшимися ему от славно прожитой

⁴ 1 фут = 0,3048 м.

жизни. Как объяснял много позже сам Майкл, Доусон Джордан не был из тех людей, с которыми можно было бы поговорить о прошлом или значимости животных в жизни семьи. Но даже случайное упоминание о Доусоне могло вызвать слезы в глазах его знаменитого правнука.

«Он был суровым, – говорил Джордан о своем деде. – Он был таким. Да, именно таким».

Река

Вы начнете слегка улавливать вибрации мира Доусона Джордана, если встанете с утра пораньше и выйдете к северо-восточному притоку Кейп-Фир, что протекает мимо Холли Шелтер. Теперь это место по большей части отдано для сельскохозяйственных нужд и передано заповедникам, но солнечный свет здесь все тот же, каким был раньше: беспощадный и ослепительный большую часть года, он пляшет, отражаясь от воды, и растворяется лишь с наступлением утреннего тумана. Чтобы найти убежище от палящего зноя, вам придется двинуться в глубь территории, минуя заболоченные леса и ручьи, к одиночеству тех мест, что скрывались в тени некогда величественно возвышавшихся здесь девственных болотных сосен.

Доусон Джордан провел здесь свою юность, работая посреди смоляных ям в лесах: он валил последние из оставшихся величественных деревьев, связывал бревна в огромные плоты и спускал их вниз по течению северо-восточного притока Кейп-Фир, направляя на судостроительные верфи Уилмингтона. Работенка явно не для трусов.

Доусон Джордан достиг зрелости почти сразу с началом XX столетия, а тем временем привычный уклад жизни на реке стремительно менялся: последние из оставшихся болотных сосен вырубались, а на смену плотогонам приходила индустрия грузоперевозок. Древняя река и надежно укрывающие ее леса и чащи были определяющими факторами в молодые годы его жизни. Он знал, как охотиться на дичь, освежать убитую тушу и правильно ее приготовить. Много лет спустя, когда он уже был стариком, владельцы местных охотничьих домиков давали ему работу на кухне, чтобы он готовил вкуснейшие блюда из свежей дичи для постояльцев.

Свою трудовую жизнь Доусон начал в девять лет, сумев убедить людей, проводивших перепись, в том, что ему 11 и он достаточно взрослый, чтобы работать на полях. Он уже умел читать и писать, поскольку посещал местную «общеобразовательную школу для цветных», представлявшую собой одно-единственное классное помещение и частенько закрывавшуюся во время четырех месяцев ежегодного академического курса для того, чтобы ученики могли поработать на полях или близлежащих лесопилках. «Родители рассказывали мне, как трудно было делать кровельную дранку на той лесопилке», – вспоминал Морис Юджин Джордан, дальний родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством. Ученики школы сами доставали хворост и поддерживали огонь в печурке маленького школьного класса, но тогда это было привычным делом даже для белых детей, учившихся в лучше оборудованных школах.

В те первые десятилетия XX в. никакого электричества там не было, проточная вода, как и водопровод, ценились высоко, а асфальтированные дороги можно было пересчитать по пальцам одной руки. И, что неудивительно, не было никакого среднего класса, а посему все мужчины, белые или черные, целые дни проводили в отчаянных поисках пропитания для себя и своей семьи, трудясь исполщниками и наемными чернорабочими на землях узкого круга землевладельцев.

Глубинное исследование 1000 семейств, живших фермерством в Северной Каролине, которое провела в 1922 г. коллегия штата по сельскому хозяйству, показало, что исполщники зарабатывали меньше 30 центов в день, а порой и всего десять, несмотря на многочасовой труд. В докладе также сообщалось, что у большинства исполщников не было возможности вырастить какие-либо продукты питания для себя и зачастую им приходилось одалживать деньги, просто чтобы поесть и заплатить по счетам. Порядка 45 тыс. безземельных семейств фермеров жили

в кое-как сколоченных одно- и двухкомнатных хибарах без удобств; скрывать многочисленные дыры и трещины в стенах и потолках своих домиков им приходилось газетными листами, ничего больше они позволить себе не могли.

Лишь у одной трети испольтчиков была уборная во дворах.

Антисанитарные условия были причиной частых заболеваний и высокой смертности среди детей безземельных семейств фермеров, к тому же, сообщалось в докладе, смертность среди чернокожих более чем вдвое превышала аналогичный показатель среди белого населения.

Шарлотта Хэнд и ее сын Доусон каким-то образом сумели выжить в столь незавидных обстоятельствах, отчасти благодаря помощи семьи Хэнд, работавшей на реке и, по всей видимости, обучившей Доусона управлять плотами из сплаваемых бревен; семейные свидетельства и воспоминания местных жителей говорят о том, что он стал опытным и умелым плотогоном в очень молодом возрасте. Было отнюдь не легко связывать огромные тяжелые бревна, а потом сплавливать их по коварной реке, кишевшей змеями, отличавшейся штормовыми волнами и переменчивым течением. Требовалась невероятная физическая сила, чтобы провести цепочку из трех бревенчатых плотов по реке, минуя многочисленные изгибы и повороты. Но каким бы рискованным ни было это занятие, Доусон, без сомнения, любил реку, которая в ту эпоху была главной коммерческой жилой региона.

Молодой Доусон работал вместе со своим кузеном Гэллоуэем Джорданом, тоже калекой. Морис Юджин Джордан, родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством, вспоминал рассказы своего отца, Делмара Джордана, который пересказывал ему байки о похождениях Доусона. «Говорят, он очень здорово умел сплавливать бревна, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – У Гэллоуэя была большая нога, как и у Доусона. Они были очень близки».

Северо-восточный приток Кейп-Фир был приливной рекой, и это лишь усложняло задачу плотогонам. Морис объяснял: «Им приходилось внимательно следить за приливами и отливами, которые приходили и уходили, приходили и уходили, меняясь в соответствии с лунными фазами. Если приливные волны были достаточно высокими, они могли продвигаться. Но когда прилив ослабевал, им приходилось привязывать плоты к деревьям и ждать возвращения волн». Ожидание могло занимать долгие часы. «У них были котелки и еда, и, когда прилив прекращался, они привязывали плоты, выбирались на холм и готовили себе что-нибудь поесть».

Работа была тяжелой, опасной, еще с колониальных времен ею занимались разные люди: освобожденные рабы, плотогоны и просто крепкие суровые мужчины, готовые принять этот вызов. Те, кто занимались работой на реках, находились на самой нижней ступени социальной лестницы, им очень скудно платили, зачастую им приходилось довольствоваться несколькими центами в день – столько же получали самые нищие испольтчики. И тем не менее Доусон Джордан все же любил работу на реке, ценил независимость, которую она ему давала. В переписках указано, что он был «самозанятым», а не трудился по найму на кого-то. Вдобавок работа регулярно давала ему возможность спускаться вниз по реке к экзотическому порту Уилмингтон, бухты которого всегда были заполнены кораблями и моряками со всего света; разумеется, там было много баров и борделей.

Можно представить в своем воображении Доусона Джордана сто лет назад сидящим на плоту в тихом, спокойном местечке реки в холодную ясную ночь и глядящим на невероятной красоты звезды. Вполне вероятно, что такие ночи на реке под небосводом были единственными мгновениями, когда Доусон мог по-настоящему убежать от своего мира, огромного и часто такого подавляющего. Наверное, это были лучшие моменты жизни прадеда Майкла Джордана.

Десятилетия спустя его правнук отметит, что моменты игры на баскетбольной площадке были его единственным убежищем, теми эпизодами жизни, когда он обретал подлинное умиротворение, они служили своеобразным выходом из мира, который был куда более беспощад-

ным и таил в себе куда больше разочарований, чем мог представить себе любой из миллионов его поклонников и почитателей. Этих двух Джорданов, разделенных десятилетиями века, объединяло очень многое, хотя их положение в этом мире различалось кардинальным образом. Доусон Джордан наверняка по достоинству оценил бы сладкий вкус роскошной жизни своего правнука и променял бы его на многие из своих тяжелых, жестоких дней.

Клементина

В отличие от Майкла, который мог выбирать себе спутницу из множества самых привлекательных и изысканных женщин планеты, низкорослый калека Доусон жил в маленьком, изолированном сообществе вместе с матерью, долгими днями занимаясь опасной работой в лесах и на реке. Он впервые увидел, какой может быть романтика, когда его мать обрела наконец любовь, повстречав в Холли одного испольца. Айзек Килон был на 20 лет старше ее, и, когда они поженились в мае 1913 г., ему было уже далеко за 60. Их счастье, должно быть, натолкнуло Доусона на мысль о собственных перспективах в этой жизни.

Со временем, несмотря на малый шанс на успех, Доусон сумел добиться благоволения к себе со стороны Клементины Бернс. Песня *Oh My Darling, Clementine* («Ах, моя дорогая Клементина»), впервые обретшая безумную популярность в 1884 г., наверняка повлияла на выбор ее родителями имени для девочки. Она была на год старше Доусона и жила с родителями и семьей младшими братьями и сестрами прямо там, в Холли Шелтер. В некотором смысле ее собственные перспективы были такими же туманными, как и его. Ухаживания начались, как и все романтические отношения в те времена, с застенчивых бесед, которые со временем становились длиннее и смелее. Вскоре Доусон влюбился в девушку, что никогда не было пустяковым делом для глубоко эмоциональных по натуре Джорданов.

В конце января 1914 г. они обменялись клятвами верности и начали жить вместе. Спустя примерно восемь месяцев Клеммер, как ее называли, сообщила Доусону о своей беременности, а в апреле 1915 г. она родила в их крошечной хижине сильного и здорового мальчика. Они назвали его Уильямом Эдвардом Джорданом. Есть масса указаний на то, что это событие принесло новоиспеченному отцу невероятную радость.

Если бы только эта радость продлилась немного дольше.

Первые признаки надвигающейся беды появились почти сразу после родов: у молодой мамы началась потливость по ночам, она стала испытывать дискомфорт при мочеиспускании. Потом Клеммер начала харкать кровью. Самым явным симптомом болезни были бугорки, маленькие круглые уплотнения или узелки, проступавшие на костях и мышечных тканях.

«Туберкулез был болезнью черных, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – В те времена медицина мало что могла с ней поделать».

Передающаяся воздушно-капельным путем болезнь была крайне заразной, и несмотря на то что Северная Каролина стала одним из первых южных штатов, открывших санаторий для чернокожих в 1899 г., в этом учреждении, существовавшем на частные деньги, насчитывалось лишь десятков коек, а стоимость лечения была заоблачной. Единственной альтернативой для семей была установка белого защитного тента или возведение временного барака во дворах позади домов, в которых заболевшие могли провести свои последние дни, не распространяя инфекцию туберкулеза на других. Медленная смерть близкого человека могла тянуться месяцами или даже годами. Клеммер Джордан обследовалась у доктора на ранних стадиях заболевания, но все равно умерла апрельским утром 1916 г., спустя год после рождения сына.

В те годы молодые вдовцы часто бросали своих детей, это было в порядке вещей. Доусон мог пойти легким путем и оставить мальчика в семье Клеммер, чтобы они растили его сами. У Доусона Джордана точно были варианты в той ситуации. Поскольку Уилмингтон был портовым городом, там всегда было полно возможностей наняться коком на одно из многочисленных

судов, что регулярно заходили в порт и покидали его. Но из публичных записей, оставшихся о его жизни, открывается простая правда: он очень сильно любил свою мать и так же сильно своего подрастающего сына. Об этом говорят его поступки. И его твердая решимость построить семью стала первой крепкой нитью, из которой будет потом соткана история Майкла Джордана.

Несколько месяцев спустя жизнь нанесла Доусону еще один тяжелый удар. Он узнал, что его мать, которой еще не было и 50, умирает от заболевания почек. На Прибрежной равнине смерть была частым гостем, но в 1917-м и 1918 гг. показатели смертности в округе Пендер сначала удвоились, потом утроились, а потом и учетверились, и всему виной пресловутая эпидемия испанского гриппа. Доусон своими глазами видел, как члены семьи Хэнд, а вместе с ними его коллеги и их близкие один за другим умирают в рекордные сроки. За 90 дней сентября – ноября 1917 г. эпидемия выкосила более 13 тыс. жителей Северной Каролины.

Ухудшившееся состояние матери Доусона вынудило ее покинуть дом Айзека Килона и возвратиться к сыну. Мать Доусона приближалась к своей кончине и больше не могла помогать ему заботиться о маленьком сыне, а потому Доусон решил взять в дом иждивенку, молодую женщину Этель Лэйн, у которой была маленькая дочь и которая могла позаботиться как о детях, так и об умирающей Шарлотте. Вскоре после этого внезапно умирает Айзек Килон. Его похоронили, а спустя три месяца почечная болезнь окончательно добила и мать Доусона.

Доусон похоронил Шарлотту Хэнд Килон ниже по течению реки, у моста Баннерман в Холли. Мальчик, всегда мечтавший о семье, теперь остался почти совсем один, если не считать деятельного малыша, путавшегося у него под ногами. Остаток своей жизни отец и сын проведут вместе, будут жить и работать то в одной хижине, то в другой, не покидая маленьких прибрежных селений, и будут напрягать все свои силы, чтобы устоять перед лицом страшной нищеты.

Сохранившиеся свидетельства со временем покажут, что ни один из двух мужчин не нажил в этой жизни почти ничего, однако жизнь сложилась таким образом, что им все же удалось многое оставить в наследство следующему поколению семьи. Удалось, несмотря на то что в дымке Кейп-Фир таилось и другое наследие, коварное, порой даже сюрреалистичное.

Глава 2

Кровавый Уилмингтон

Майкл Джордан и сам довольно часто возвращался в прошлое, к деревенским проселочным дорогам и простым воспоминаниям, оставшимся от побережья Кейп-Фир. Если свернете на восток по трассе I-40 на выезде из Чапел-Хилл, Пидмонт откроет вам дорогу к Прибрежной равнине с ее сочными открытыми полями, обрамленными однообразным сочетанием карликовых сосен и обветшалых сушильных сараев для табака. Вскоре на дороге появляются знаки, указывающие на повороты в сторону Тичи, потом в Уоллес, а позже в Бергау и Холли – фермерские городки, где много лет назад пустил первые корни род Джорданов.

В наши дни паутина шоссежных автодорог, связывающая штаты, скрыла под собой большую часть тревожного наследия Кейп-Фир, теперь тут на многие мили раскинулись ровные мостовые с вкраплениями придорожных заправок и сетевых ресторанов, очень слабо связанных с культурным прошлым Каролины, да изредка попадающимися площадками для барбекю. Ныне, кажется, нигде не отыскать упоминаний о политике Демократической партии США, продвигавшей идею превосходства белой расы, но в ранние годы жизни Доусона Джордана она ощущалась вполне явственно, и эти старые раны, восходящие к давним событиям, случившимся в старом Уилмингтоне, позже откроются в жизни Майкла Джордана, причем весьма странным и ироничным образом.

К 1890-м, за годы, минувшие с начала Реконструкции Юга, демократы Дикси⁵ сумели вернуть белым политический контроль над большей частью Северной Каролины, но Уилмингтон и Прибрежная равнина оставались обособленным регионом, во многом потому, что там было зарегистрировано свыше 120 тыс. чернокожих мужчин, имевших право голоса на выборах. Край уверенно шел к тому, чтобы вскоре обрести статус побратима Атланты: здесь начало зарождаться высшее общество среди чернокожих, был чернокожий мэр, две газеты для черных и сплоченная полиция, а также целое множество компаний и предприятий, находившихся во владении чернокожих. Реакцией демократов на эти перемены стало подстрекательство к бунту: 11 ноября 1898 г. в Уилмингтоне случились погромы на расовой почве. Белое население города, возбужденное политической риторикой демократов, высыпало на улицы, чтобы сжечь офис газеты для чернокожих, посмевавшей встать в оппозицию к демократам.

Позже в тот же день началась стрельба, вооруженные белые люди, называвшие себя «красные рубашки», стали вести ее на улицах города. На следующий день местный морг сообщал о 14 убитых, 13 из которых были черными, но другие утверждали, что общее количество жертв составило 90 человек. Волна насилия распространялась, и пришедшие в ужас чернокожие стали вместе со своими семьями сбегать в близлежащие болота, где, по слухам, «красные рубашки» их выслеживали и добивали. Останки многих из этих людей так никогда и не были найдены.

Следующая стадия тщательно спланированного восстания началась на следующий день, когда белые собрали видных чернокожих деятелей города – священников, бизнес-лидеров и политиков – и препроводили их на местный вокзал, где посадили в поезд, отправив из города восвояси.

Убедительная победа сторонников идеи белого превосходства обеспечила доктрине партии успешную реализацию в последующие десятилетия. Чарльз Эйкок, выбранный губернатором в 1900 г., определил повестку для законодательных органов, которая следовала основному кровавому посылу, спровоцированному бунтом. «На Юге не будет никакого прогресса ни для

⁵ Дикси – историческая область, которая включает в себя южный регион Соединенных Штатов Америки, также этот термин часто используется для обозначения Юга США.

одной из рас до тех пор, пока негры не будут окончательно удалены от участия в политическом процессе», – объявил Эйкок. В основе плана была идея ограничить регистрацию голосующих на выборах за счет введения теста на грамотность, в результате чего число чернокожих мужчин Северной Каролины, имевших право голоса на выборах, стремительно сократилось со 120 тыс. до бунта до 6000 после.

Подобную несправедливость и разгул насилия негласно поддерживали местные государственные и правоохранительные органы, а другие силы штата активно запугивали население. К 1940–1950 гг. в округе Дуплин, где жила семья Джорданов, было зарегистрировано всего два чернокожих мужчины с правом голоса – согласно сведениям Рафаэля Карлтона, одного из двух этих зарегистрированных.

Сын исполщика Рафаэль Карлтон в молодости был современником живших в Дуплине Джорданов, и хотя он работал, как и все, по настоянию отца находил время для учебы в школе. Впоследствии Карлтон поступил в близлежащий Университет Шо, в 1940-е закончил его, получив диплом преподавателя, и возвратился домой, став частью целого поколения чернокожих учителей, искренне преданных своему делу. Он вспоминал, как приходил на собрания студентов факультета для чернокожих во времена расцвета сегрегации, как белый суперинтендант местной школьной системы поднялся и сказал своим чернокожим учителям: «Вам, нигерам, надо бы поучиться дисциплине». «Люди теперь не понимают, как нас тогда запугивали, у них не укладывается в головах, что такое вообще возможно, – говорил Карлтон. – Но запугивание было тотальным. Ты и думать не смел о том, чтобы перечить им».

Меня восприятие

В 1937 г. Колледж Северной Каролины для негров из Дарема (ставший впоследствии Центральным университетом Северной Каролины) нанял Джона Маклендона обучать студентов баскетболу. Придя в колледж, он поразился тому, какими забитыми были молодые игроки, их стесненному сознанию. «Самым большим вызовом для меня как тренера, – вспоминал Маклендон, – было убедить моих игроков в том, что они – вовсе не неполноценные атлеты. Тогда этого не знало даже чернокожее население, они попросту не верили, что такое возможно. Они поддались влиянию однобокой пропаганды».

Само присутствие тренера в Северной Каролине подчеркнуло важность еще одного значимого для жизни Майкла Джордана события, тоже случившегося в 1891 г. Спустя всего пять месяцев после рождения прадеда Джордана Джеймс Нейсмит прибил корзину для персиков к щиту в гимнастическом зале Спрингфилда, штат Массачусетс, и тем самым положил начало эпохе баскетбола. Много десятилетий позже Нейсмит переберется в Университет Канзаса и станет работать на педагогическом факультете. Какое-то время он будет тренировать тамошнюю университетскую команду, после чего передаст ее в руки Фогу Аллену, который войдет в историю как «отец» баскетбольного тренерства.

Джон Маклендон приехал в Канзас на заре 1930-х, став одним из первых чернокожих студентов университета, но Аллен запретил ему выступать за баскетбольную команду и плавать в университетском бассейне. Ситуация, в которой оказался студент, была бы еще хуже, если бы сам Нейсмит не разыскал его и не устроил тренером команды местной старшей школы, пока Маклендон учился в университете, стремясь получить степень бакалавра. После того как Маклендон получил в 1936-м диплом, Нейсмит помог ему в назначении стипендии в Университете Айовы, где тот учился на магистра. Завершив учебу в течение года, Маклендон устроился тренером в маленьком колледже Северной Каролины, где учредил первую программу физической подготовки, на которой потом выросло целое поколение чернокожих тренеров и преподавателей Северной Каролины. Эта программа «воспитала» Клифтона (Поп) Херринга, тренера Джордана в старшей школе.

Первые чернокожие команды американских колледжей вынуждены были тренироваться в опасной атмосфере расовой сегрегации и не могли рассчитывать на внушительные бюджеты. Они добились успеха, несмотря на культуру страны, сделавшую путешествия для них практически невозможными. Они не могли пользоваться общественными туалетами, фонтанчиками с питьевой водой, не могли посещать рестораны и останавливаться в отелях. «Простая поездка из одной школы в другую требовала планирования, словно ехать предстояло по минному полю», – говорил Маклендон.

В течение следующих нескольких лет Маклендону удалось собрать такую впечатляющую команду, что вдохновились даже официальные лица Университета Дьюка. Они пригласили молодого тренера посидеть на скамейке команды «Дьюк Блю Девилз» на следующей игре. С единственной оговоркой: Маклендон должен был облачиться в белый пиджак, чтобы зрители решили, что он – стюард.

Маклендон вежливо отказался.

Тренер поклялся, что никогда не будет ставить себя или своих игроков в такие обстоятельства, в которых их можно будет унижить или выставить на посмешище. «Ты вряд ли захочешь оказаться в ситуации, в которой твое достоинство растопчут на глазах твоей собственной команды», – объяснял он. Поддержание уважения к игрокам было жизненно важно для того, чтобы убедить их в том, что они ничуть не хуже белых.

Прорыв случился в ходе Второй мировой войны, когда армия направила в медицинскую школу при Университете Дьюка полевых медиков для обучения, и несколько человек из них были баскетболистами высшего класса. Команде медшколы, состоявшей сплошь из белых игроков, целыми днями воспевали оды даремские газеты. В то же время успехи непобедимой команды Маклендона не получали никакой огласки вообще. Расстроенный таким неравенством Алекс Ривера, менеджер команды Маклендона, решил устроить матч между двумя командами. Поскольку общество проявляло бдительность и наверняка воспрепятствовало бы такому «смешению» рас, тренер команды Университета Дьюка согласился провести «секретный матч», на который не пустили бы ни болельщиков, ни представителей прессы, воскресным утром. К перерыву команда Маклендона, прессинговавшая по всей площадке, вдвое превзошла по очкам опытных и сыгранных соперников. После этого белые игроки подошли к скамейке Маклендона и предложили заново поделить всех игроков, смешав черных и белых, чтобы во второй половине матча силы уравнились.

Эта победа над расизмом стала огромным успехом для Маклендона, она помогла ему открыть глаза своим игрокам. Влияние Маклендона в Северной Каролине ощущалось еще долгое время после его отъезда, сначала в успешном распространении баскетбола по городам и весям штата, в которых преобладало чернокожее население, а потом, уже более существенно, на уровне колледжей. Маклендон был тренером-новатором, и компания – производитель обуви Converse пригласила его преподавать на своих тренерских курсах. Именно на одной из презентаций Маклендона в рамках курса молодой ассистент тренера из академии Военно-воздушных сил Дин Смит составил первый набросок знаменитой четырехугольной схемы нападения, что сам Смит и подтвердил в своем интервью 1991 г.

Маклендон и его друг Кларенс Гейнс (Биг Хаус) из Университета Уинстон-Сейлема вскоре стали считаться акулами тренерского дела, но в то время ни один из них и не предполагал, что этот вид спорта поможет разрушить расовые барьеры между людьми в штате. Никогда эти тренеры не могли себе представить, что на их веку черные и белые жители Северной Каролины будут с такой радостью принимать чернокожего игрока в команде, с какой они принимали Майкла Джордана.

Как не мечтали они и о том, что однажды их самих включат в Зал славы баскетбола имени Джеймса Нейсмита.

Кукуруза

За свою долгую жизнь Доусон Джордан никогда не мог рассчитывать на везение, которое сопровождало в жизни его правнука. К тому времени, как Доусону исполнилось 28 лет, он не только пережил несколько страшных личных утрат, но и был вынужден менять профессию, так как лес по рекам больше не сплавливали – зарождалась индустрия грузоперевозок. Продолжая работать на местных лесопилках, Доусон Джордан стал еще и испольтчиком, как и большинство людей, населявших южные штаты. В те годы такая работа была тотемом низших классов общества.

Важнейшим элементом выживания на арендованной земле был собственный мул. По сути, животное, как объяснял кузен Уильям Генри Джордан, давало человеку высокий статус. «Когда я был ребенком, мул стоил дороже машины, потому что с мулом можно было заработать на хлеб».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.